

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

УДК 9;93:930.85

ИНСТИТУТ СОПРИСЯЖНИЧЕСТВА В ДАГЕСТАНЕ

Р. С. Абдулмажидов

Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН

В статье рассматриваются особенности применения института соприсяжничества в Дагестане. На основе исследования разнообразных источников, в том числе арабоязычных, прослеживается его эволюция на протяжении длительного периода истории Дагестана. Автор делает попытку определить корни этого правового явления, его положительные и отрицательные стороны. В статье описаны различные нюансы применения института соприсяжничества, возникшие после присоединения Дагестана к Российской империи.

This article discusses the compurgation in Daghestan. Based on the study of various sources including the Arabic, its evolution is traced over a long period of Daghestan history. The author makes an attempt to determine the roots of this legal phenomenon, its positive and negative sides. This article describes various nuances of the compurgation, which arouse after joining the Russian Empire.

Ключевые слова: соприсяжничество; обычное право; правовая культура Дагестана; адат; судопроизводство.

Keywords: compurgation; customary law; Daghestan; Legal Culture of Daghestan; adat; proceeding.

В обычном праве многих народов мира чрезвычайно важную роль играл институт соприсяжничества, получивший широкое распространение уже в раннем Средневековье. Если другие иррациональные способы судебного доказательств (ордалии, судебные поединки) в ходе правовой эволюции постепенно теряли свою значимость, то данный элемент судопроизводства продолжал применяться на протяжении длительного периода в истории человечества. По определению, данному в одном из энциклопедических словарей, соприсяжничество считалось институтом древнегерманского варварского права и «явилось результатом двух условий: с одной стороны – солидарности членов рода (как и кровная месть), с другой – слабости судебной власти, которая не могла расследовать дела по существу, и принуждена была ограничиваться ролью посредника между сторонами...» [1].

Соприсяжничество было следствием того, что члены сначала рода, а затем, после перехода от родовой общины к соседской, и общины несли коллективную ответственность за действия своих соплеменников. Соприсяжники оказывали своеобразную «помощь в клятве» (компургация), свидетельствуя только о своем убеждении в правоте или неправоте того, на кого была наложена присяга. При этом они исходили не из знаний обстоятельств дела, а из присущих, по их мнению, истцу или ответчику честности и добропорядочности. «Те же однофамильцы обязаны на суде приносить в пользу обвиняемого подкрепительную присягу, каждый раз, когда последний в их глазах невинен во возводимом на него правонарушении», – писал известный исследователь обычного права М.М. Ковалевский [2, с. 12].

Самое раннее упоминание о соприсяжниках встречается в одном из самых известных раннесредневековых правовых памятников Европы – Салической правде, одна из статей которой гласила: «Если кто похитит свободного человека и (против него) не окажется верной улики, он должен представить соприсяжников как бы

при убийстве; если он не будет в состоянии найти соприсяжников, присуждается к уплате 8000 ден., что составляет 200 сол» [3]. А в более позднем, албанском памятнике права, который получил название Законника Лека Дукагини и в котором присутствует отдельная глава, посвященная соприсяжникам, применение этого правового явления объяснялось так: «...предусматривают соприсяжников для того, чтобы при произнесении клятвы несколькими людьми, если не один, то другой или третий может быть знают что-нибудь, потому что слышали или видели какой-нибудь признак, и потому что они не могут губить душу свою, давая ложную клятву, спасая одного человека» [4].

В странах раннефеодальной Европы применение института соприсяжничества происходило в торжественной обстановке, обыкновенно в церкви, и присяга должна была произноситься отчетливо и без запинок; если кто-либо случайно проговаривался, это считалось божественным знамением, и решение суда выносилось не в его пользу. Первоначально здесь в число соприсяжников допускались все, кроме лишенных чести, и присяга произносилась хором; позднее были введены некоторые условия, без наличия которых нельзя было становиться соприсяжником (земельный ценз, свободное состояние, принадлежность если не к графству, то, по крайней мере, к племени); чтобы увеличить ответственность каждого, заставляли присягать поочередно в одиночку. Присяге придавалось сакральное значение, «так как по представлениям того времени, при судопроизводстве невидимо присутствует бог, который не позволяет выиграть неправой стороне» [5].

Значимость клятвы, произнесенной присягателями, зависела от числа людей, ее произнесивших. Поэтому количество соприсяжников менялось в зависимости от тяжести преступления – чем серьезнее был совершенный проступок, тем большее число соприсяжников требовалось. Одновременно с этим «по закону англов и саксов число это определялось кроме того поведением обвиняемого, так что казавшиеся хотя несколько подозрительными должны были приводить тройное число против каждого установленного законом случая» [6].

Следует сказать и о давних традициях применения института соприсяжничества в Древнерусском государстве, где начиная с самого раннего периода «существовали также соприсяжники “послухи”, приходившие на спор вместе с обиженным. Их задача заключалась в том, чтобы подтвердить присягой (“ротой” – название, ясно показывающее боевое происхождение) правильность притязаний, а в случае необходимости и поддержки их физической силой. Эти “послухи” в ряде памятников именуется “пособниками”, “соприслужниками” ...» [7, с. 110]. Некоторые исследователи привлечение соприсяжников в судебном процессе на Руси объясняли тем, что «круговая порука есть краеугольный камень всякого права в общине: без нея община должна рассыпаться при самом своем начале» [8, с. 6].

Роль круговой поруки особенно возрастает во время правления Ивана Грозного. Если судебник 1497 г. ограничивал право общины на участие в судопроизводстве, то правовые акты, принятые при нем, значительно расширяли сферы ее применения. В этот период «община, в лице своих депутатов, не только присутствует на суде выборных судей, но составляет основу этого суда: она объявляет судье, кто в ее пределах лихие люди, за кого она не ручается, и по этому объявлению судья таковых людей, лишенных общественного поручительства, берет под арест и пытается, хотя бы на них не было истцов; мало этого, оговоренный языком и лишенный поручительства общины, или названный лихим человеком, предается казни, хотя бы с пыток сам и

не сознался в преступлении. И наоборот, ежели общество поручится за кого и назовет добрым человеком, то хотя бы на него и был оговор, суд не признает этого оговора, освобождает оговоренного за порукою обыскных людей. Здесь общество пользуется почти теми же правами, относительно своих членов, какими пользовалась древняя вервь, и сверх того, по новому уложению, освобождается от платежа дикой виры, очищая обвиняемого только своею круговою порукою» [8, с. 38].

Постепенно, по мере укрепления феодальных отношений, границы применения института соприсяжничества начинают сужаться. При этом надо отметить, что применительно к Российскому государству под институтом соприсяжничества в большей степени следует понимать коллективную ответственность за совершенное преступление. Хотя определенный суверенитет при вынесении судебного решения у общины сохранялся, роль княжеской власти и ее ставленников в судебном процессе становится преобладающей.

Сохранив практически все упомянутые выше атрибуты, институт соприсяжничества получил широкое распространение и в Дагестане. Известный кавказовед А. Дирр, отмечая тождественность многих правовых установлений Законника Лека Дукагини с адатами кавказских горцев, писал: «Аналогия настолько велика, что тот же час возникают вопросы, волнующие каждого интересующегося этнографией: заимствование ли это?» [9, л. 28]. В условиях правового дуализма, сложившегося в результате взаимодействия и взаимовлияния шариата и адата, институт соприсяжничества применялся здесь практически во всех отраслях права, несмотря на то, что по мусульманскому праву за совершенное преступление устанавливалась личная ответственность, на что указывал еще М.М. Ковалевский [10], а по адату широко использовался принцип круговой поруки.

Комментируя утверждение М.М. Ковалевского о том, что институт соприсяжничества является одним из древних обычаев, «которые возродились в религиозном законе ислама», А. Дирр писал: «...это обычай, обязанный своим происхождением арабскому язычеству; этот обычай использовали в случае наказания за убийство, если не было определенного доказательства для установления личности убийцы или его принадлежности к племени, когда его только подозревают или имеют в виду вероятные причины. Пятьюдесятью клятвами кровные родственники убитого могут или обвинить соучастником преступления одного из подозреваемых, или наоборот, кровные родственники последнего изгоняют его из племени. Подробности о модальности (модальность, т.е. способ применения. – Р.А.) этих клятв обвинения и очищения установить нельзя, т.к. сведения об этом своим происхождением обязаны временам магометанства. В исламе казама, вероятно, сохранилась, но она противоречит воззрению, которому учит право, что для вынесения наказания требуется «bajjika», т.е. окончательное доказательство вины...» [9, л. 168].

Действительно, институт соприсяжничества сохранился в мусульманском праве под термином «касама». Применялся он только в судебном процессе по делам убийства, и согласно основным правовым школам (мазхабам) при этом необходимо было соблюсти ряд условий: 1) обоснованность подозрения (لوٹ); 2) дееспособность истца и ответчика; 3) обвинение должно быть предъявлено конкретному человеку или группе лиц; 4) обвинение не должно противоречить показаниям родственников убитого; 5) присягатели должны быть родственниками убитого; 6) убитый должен быть мусульманином или немусульманином, находящимся под юрисдикцией мусульманского права (зиммий, муамман) [11, 12].

Уже в наиболее ранних письменных памятниках права Дагестана, сохранившихся до наших дней и относимых исследователями к XV–XVII вв., содержались правовые нормы, требовавшие использования соприсяжников. Так, по «Гидатлинским адатам»: «Если убийца отрекается от совершения убийства, то наследникам убитого предоставляется право требовать от тухума (араб. акариб) убийцы доказать это присягой пятнадцати сородичей. Если не хватает соприсягателей из числа родственников, пусть пополнят их количество за счет односельчан» [13]. А по «Андаляльским адатам»: «Если жителей вольного общества будут приводить к очистительной присяге (араб. тахлиф), количество соприсягателей в иске по [возмещению за] лошадь или ее стоимость устанавливается в двенадцать человек, за быка или за его стоимость – шесть человек, за корову – трое, за овцу – два соприсягателя» [14].

Автор очерка, посвященного судопроизводству по адату в Дагестане, А.В. Комаров различал два вида исков по адату: «прямой с доказательствами и без доказательств по подозрению» [15]. Иск по подозрению был неразрывно связан с институтом соприсяжничества и применялся в случае, если вина подозреваемого в преступлении не могла быть установлена прямым доказательством. В этом случае повсеместно в Дагестане истец или ответчик мог потребовать принесения присяги с привлечением соприсягателей – отказавшийся от нее проигрывал суд. В случае, если один из призванных в соприсяжники отказывался от принятия присяги, то дело также проигрывалось.

Вместе с тем один из дагестанских правовых кодексов, дошедших до нас, по мнению М.М. Ковалевского, в наиболее «чистом виде», содержит ряд установлений, предусматривающих наказание в случае отказа от соприсяжничества: «С того, кто не согласится принять очистительной присяги, брать штраф сто кари хабцалдику¹. Кто откажется дать присягу им подозреваемому или без причины откажется присягнуть за другого, того скот не принимать в общественное стадо и всем прекратить с ним всякое знакомство; с того же, кто примет скот его в свое стадо или позовет к себе в гости, брать полтора ста кари хабцалдику». Наряду с этим, принимались и определенные меры по защите соприсяжников: «кто убьет идущего принять присягу или на суд, с того две пени и два канлы²» [16].

Как и в средневековом германском праве, человек, однажды уличенный в даче ложной присяги, не мог уже стать соприсяжником, тем более что за лжеприсяжничество также предусматривалось наказание. К примеру, по адатам шамхальства Тарковского и ханства Мехтулинского, «изобличенный в ложной присяге, свидетельстве или показании подвергается денежному взысканию в количестве соразмерном цене спорной вещи и, кроме того, по усмотрению местной власти присуждается к аресту или телесному наказанию, после чего всякое покаяние его и свидетельство не принимаются» [9, л. 8].

По обвинительной присяге виновность ответчика считалась доказанной, если истец с определенным адатом числом присягателей принимал клятву в том, что его подозрение справедливо. В свою очередь, по очистительной присяге ответчик считался свободным от обвинения, если он так же с определенным адатом количеством ближайших родственников и односельчан принимал клятву в том, что не совершал ничего преступного. Обвинение по подозрению не могло быть предъявлено «кадиям, картам (судьям) илюдям, изучающим святыя книги. В некоторых районах этим преимуществом пользуются и женщины (например, в Даргинском округе)» [17, л. 10]. Вместе с тем в некоторых адатных кодексах сфера применения соприсяжничества

была ограничена, о чем свидетельствует, к примеру, одно из положений «Адагов Бежидского округа»: «...с ответчика требуется, чтобы, кроме его самого, еще несколько человек присягнули в оправдание его только в делах по воровству, а в других не требуется» [18, с. 60].

При выборе соприсяжников для обвинительной присяги необходимо было соблюдать определенные условия, которые зависели от обстоятельств произошедшего. Так, к примеру, в нескольких обществах Анкратля существовал следующий порядок:

«И по адатам областей Нижнего, Среднего и Верхнего Таша, за воровством присягают 6 мужчин независимо от того, украдено много или мало.

И они должны быть из уважаемых [людей], если он уже не раз был пойман на воровстве, а если нет, то из его родственников: трое со стороны отца и трое со стороны матери.

И не принимается жалоба того, кто говорит, что он отказывается от присяги, даже если он сообщил об этом суду или кому-либо еще» [19, с. 52].

В другом своде адатов при назначении соприсяжников применялось следующее положение: «Если кому поручено объявить соприсягателям, что они должны дать присягу за такого-то человека, то он обязан сказать, что им дается 10 дней на раздумье и для проверки честности того, за кого они собираются принимать присягу. Тот, за кого соприсягатели должны принимать присягу, и его близкие не имеют права об этом объявить соприсягателям» [20].

Выбор того или иного способа решения судебного спора, т.е. обвинительной или очистительной присяги, зависел от многих обстоятельств. «Для некоторых случаев адат прямо определяет, какого рода присяга должна быть дана; в остальных – предоставляет на усмотрение судей назначить присягу истцу или ответчику, но истец всегда имеет право отказаться от присяги и потребовать очистительную присягу от заподозренного им» [15, с. 16]. При этом «истец всегда имеет право отклонить клятву обвинения и приписать обвиняемому клятву очищения...». «Обвиняемый посредством клятвы обвинения выплачивает предусматриваемый по адату штраф, но с некоторыми льготами (например, ему не надо платить штраф деньгами, а лишь возместить простую стоимость украденной вещи и т.д.)» [17, л. 11].

Количество соприсяжников зависело от величины причиненного ущерба. Оно колебалось в пределах от 2 до 60 человек; каждая сельская община устанавливала свое количество соприсяжников по тем или иным адатам. Так, по адатам южнодагестанских обществ: «а) при убийствах и других преступлениях, влекущих за собою кровомщение, требуется сорок присягателей; такое же число присягателей требуется при покраже из дома, где находится семейство хозяина, из мельницы, равно как и из саманника, из ямы, в которую сыпают хлеб, из мечети и при воровстве плуга с поля, или за сожжение плуга там же; б) при воровстве лошади или буйвола, цена коих редко превышает 100 р., требуется десять присягателей; в) при воровстве быка или коровы, оцениваемых обыкновенно от 16 до 30 руб., требуется пять присягателей; г) при воровстве барана или другой мелкой скотины требуется по одному присягателю на каждую голову; д) соразмерно этим ценам назначается число присягателей при воровстве другого какого-либо имущества» [21, с. 3–4].

Многие горцы из опасения дать ложную присягу давали обет никогда не присягать. Свидетельствовать в суде и быть присягателями не могли: 1) не достигшие совершеннолетия; 2) недееспособные; 3) родственники истца или ответчика³; 4) имеющие какую-либо тяжбу с истцом или ответчиком; 5) имеющие кровную вражду к

истцу или ответчику; 6) давшие обет никогда не присягать; 7) лица, исполняющие некоторые общественные должности. «Впрочем, показание кадия или карта в некоторых местах, данное без присяги, считается равным двум свидетельским показаниям» [15, с. 15]. Кроме того, права быть соприсяжателями были лишены лица из низших сословий: рабы, зависимые крестьяне и выходцы из других общин. Примечательно и то, что «в Табасарании не имеют право давать клятву деревенские кузнецы» [17, л. 13].

В более ранних правовых кодексах Дагестана число статей, применяющих соприсяжничество, представлено в небольшом количестве, тогда как сборники адатов, составленные в пореформенный период (1840–1890-е гг.), гораздо чаще применяют этот способ судебного доказательства. Связано это было, вероятно, не только с тем, что последние отличались большей разработанностью, но и с тем, что царская администрация на Кавказе всячески способствовала укреплению данного института судопроизводства, поощряя коллективную ответственность членов общины. Как писал Д. Шанаев, автор статьи о присяге по обычному праву осетин, «русское правительство, заметив большую кровную родовую солидарность между сородичами осетинской народности, воспользовалось ею в народной юстиции для придания большей важности присяге, установив и ближайшим родственникам обвиняемого присягать за своим сородичем» [22].

После проведения судебной реформы во второй половине XIX в. администрация Дагестанской области внесла ряд изменений, касающихся применения института соприсяжничества. Так, по предписанию военного губернатора Дагестанской области «срок для выполнения присяги продолжается до заката солнца, после чего только можно постановить о невыполнении присяги той стороной, которая не явилась с присяжателями в этот день... а при наличии юридических данных не придерживаться адата дачи очистительной присяги» [23].

Некоторые сборники адатов указывают на возможность привлечения соприсяжателей из другого селения, если в родном селении обвиняемого не набиралось требуемого количества. В частности, по «Адатам обществ Анцух-Капуча и Бохнода», «если раненый умер на месте драки, не успев дать показания, и нет там того, кто признается в убийстве, то следует взять троих участников драки, и если пожелают родственники убитого, наложить на одного из них очистительную присягу от 50 мужчин из родственников со стороны отца.

Если же количества этих мужчин не хватает, то они дополняются [родственниками] со стороны матери. Если и этого недостаточно, то из [жителей] своего села. А если и их не хватает, то из [жителей] другого села» [19, с. 22–23].

В Государственном историческом архиве Грузии нами выявлено несколько документов, в которых говорится о привлечении к судебному процессу жителей из других округов. Так, в марте 1898 г. военный губернатор Дагестанской области писал Главноначальствующему гражданской частью на Кавказе: «В Казикумухском округе с давних времен существовал адат, по которому при разборе дел о кражах жителей округа с жителями Даргинского округа, как в сельских судах, так и в Казикумухском окружном суде, жители Казикумухского округа должны выставлять свидетелями жителей других округов, не имея при этом права выставлять свидетелей из жителей своего Казикумухского округа, хотя бы последние и были очевидцами совершенного преступления. Между тем, при разборе подобных же дел в сельских судах Даргинского округа и в самом Даргинском окружном суде жители этого округа

выставляют свидетелей как жителей других округов, так и жителей Даргинского округа.

Ввиду этого 12 сельских обществ Казикумухского округа, а именно Чирах, Буркихан, Ашты, Анкмух, Цирха, Ашух, Худши, Сиджи, Ку...ш, Хосрех, Кули и Цовкра ходатайствуют о том, чтобы и с их стороны при разборе дел о кражах с жителями Даргинского округа приглашались в свидетели как жители своего Казикумухского, так и других округов, не исключая Даргинского.

Находя со своей стороны означенное ходатайство поименованных выше 12 сельских обществ Казикумухского округа заслуживающим удовлетворения, имею честь испросить разрешения Вашего превосходительства об отмене существующего в Казикумухском округе адата, в силу которого жители сего округа не имеют права выставлять при разборе дел о кражах свидетелей из жителей своего округа» [24].

В последующем, как следует из изданного руководством области в 1901 г. специального приказа, устанавливалось, что если жителей селения было достаточно для привлечения в соприсяжники, то «потерпевший не имеет права назначать соприсяжителей за обвиняемыми из других селений, а обязан указать их из жителей того селения, откуда происходит обвиняемый» [2, с. 225].

В начале XX в. в Дагестане значительно возросло количество совершаемых краж. Наряду с другими мерами по пресечению преступлений по кражам военный губернатор генерал-лейтенант Тихонов в конце 1905 г. предложил ввести на всей территории Дагестанской области обвинительную присягу с 6 родственниками [25]. Особенно увеличилось количество краж в Кайтаго-Табасаранском округе, жители которого 16 марта 1906 г. подали прошение наместнику на Кавказе об утверждении некоторых адатов, направленных на пресечение воровства. Оно осталось без ответа, и было подано новое прошение в феврале 1907 г., в котором предлагалось установить следующие адаты с применением соприсяжничества: «1. Предоставить потерпевшему право обвинительной присяги с 6 родственниками. 2. Если же потерпевший не пожелает, то дает очистительную присягу обвиняемому с 12 присягателями, из коих 6 родственников и 6 – из числа безпорочных членов общества, не состоящих во вражде с обвиняемым. 3. В случае если порочный член общества обвиняет в краже непорочного, последнему предоставить право очистительной присяги с двумя родственниками по своему выбору, причем при невыполнении этой присяги обвиняемый уплачивает стоимость краденного и один руппег⁴. 4. В случае наличия двух свидетелей кроме их свидетельств под присягой с 6 родственниками потерпевший обязан единоличной присягой подтвердить обвинение» [26, л. 9–10].

В ответ канцелярия наместника на Кавказе предложила следующее: «1. По первому пункту ходатайства: оставить без рассмотрения, как уже разрешенный докладом канцелярии. 2. Вора, обвиненного как путем юридических доказательств, так равно и в порядке адатном, подвергать денежному штрафу в установленном размере. 3. Если обвинение доказано адатным порядком, то наказание увеличить до 6 месяцев тюремного заключения. При обвинении юридическим путем и при наличии доказательств, тюремное заключение увеличить до 1 года, при условии, если кража совершена на сумму более 100 р. 4. Число присягателей сделать подвижным и определить для всего округа от 6 до 24, причем число присягателей каждый раз должно определяться судом. Присягатели выбираются исключительно из числа родственни-

ков обвиняемого, для усиления же доказательности присяги ввести присягу хатунталлах 1/3–1/2 присягателей по назначению суда» [26, л. 25–26].

Вместе с тем применение института соприсяжничества вызывало определенную критику со стороны некоторых чиновников администрации Дагестанской области. Так, по мнению председателя Дагестанского народного суда, статского советника А. Кривенко, «обвинительная присяга совершенно не отвечает своему назначению и даже вызывает совершенно обратные результаты – отдавая население в полную зависимость воров. Последние настолько терроризировали население, что при таком условии истец вряд ли найдет соприсягателей для доказательства предъявленного им к известному лицу обвинения – наоборот, при таком способе обвинения вору весьма легко установить свое алиби. Присяга очистительная, т.е. присяга, принимаемая обвиняемым вместе с его родственниками, против возведенного на него обвинения, хотя по существу, как и первый род присяги, не может считаться рациональной мерой в борьбе с кражами, однако является предпочтительной перед обвинительной, так как не всегда и не всякий родственник вора согласится сделаться лжеприсягателем» [25, л. 4].

В своей записке, адресованной канцелярии наместника на Кавказе, А. Кривенко отмечал также, что его стремление «проводить в окружных судах принцип юридических доказательств при поступлении туда заявлений о кражах» почти всегда встречало противодействие со стороны окружных начальников, сторонников адатных доказательств. В этой связи наряду с другими мерами для предупреждения воровства он предлагал: «Разбор дела судом производить на общем основании; причем предоставить судам, если нет юридических доказательств, назначать тот или другой род присяги и с тем числом соприсягателей, которое суд найдет нужным, ограничив число: при очистительной присяге до 20, а при обвинительной до 6 соприсягателей, смотря по обстоятельствам дела, сущности и порочности ответчика» [25, л. 9].

А. Кривенко был не единственным, кто критиковал использование института соприсяжничества на Кавказе. Так, известный юрист, занимавший различные судебные должности в Российской империи, А.А. Левенстим, называя Кавказский регион «страной дикой, нетронутой цивилизацией», указывал на увеличение у горцев числа лжеприсяжничества. Пытаясь определить причины этого, он писал: «Если кто-либо из горцев привлекается к ответственности за уголовное деяние, то его родственники и друзья считают необходимым в своих же интересах поддержать его в суде. Давая по такому делу заведомо ложные показания, они надеются избавить семью или род от ответственности за преступление своего сочлена... С другой стороны, нельзя забывать, что много лиц не смеют сказать истину из опасения, что родственники и друзья осужденного жестоко отомстят им за исполнение гражданского долга» [27].

В 1907 г. Дагестанский народный суд выносит постановление, по которому при применении института соприсяжничества соблюдается следующее: «1. Окружной суд назначает одновременно день присяги в суде и день составления списков в том сельском суде, в районе которого живет обязанный доставить присягателей. 2. Об этом выдаются сторонам в суде же заметки. 3. Сельский суд список составляет на основании посемейных списков и других адатных данных и прочитывает сторонам. 4. В случае, если назначенный присягатель не может явиться по каким-либо уважительным причинам в суд, то об этом в графе делается отметка и вместо него назначается следующий. 5. Такой список сельский суд немедленно по составлению предоставляет окружной суд. 6. Стороны список этот могут обжаловать в течение 14 дней по со-

ставлении его в окружном суде. 7. Присяга должна быть назначена с таким расчетом, чтобы со дня составления списков соприсягателей до дня присяги было не менее трех недель, причем в день присяги никаких протестов на неправильность списка не принимается. 8. При обвинении родственником родственника присягатели, находящиеся в родстве со сторонами, назначаются такие, которые ближе к той стороне, которая приводит их. 9. Степень родства идет по мужской линии, а потом переходит на женскую. 10. Если по желанию сторон список соприсягателей составлен в окружном суде, то таковой обжалованию не подлежит. 11. Присягателями не могут быть назначены находящиеся под стражей по уголовным делам, сосланные в канлы и кои по суду лишены этого права» [28].

Широкое применение исследуемого института судопроизводства в Дагестане было обусловлено множеством факторов, важнейшим из которых является ранняя исламизация Дагестана и сопутствующая ей экспансия мусульманской культуры и права. В статье «О последствиях убийств и поранений между горцами Восточного Кавказа» отмечается: «Внося в горы религию и цивилизацию, аравитяне застали здесь почву, как нельзя быть лучше готовую принять принципы права, предлагаемые новой доктриной; мало того, эти последние до такой степени соответствовали установившимся обычаям и нравам горцев, что законодатель, начерчивая свой кодекс, как будто имел в виду условия быта именно здешних горцев. Здесь, как и в пустынях Аравии, оказалось то же деление на кланы, та же патриархальность, то же предпочтение мужчины женщине, воинственность, те же врожденные полудобродетели, которыми отличаются вообще свободные и патриархальные расы» [29].

При отсутствии явных улик и признательных показаний институт соприсяжничества, по сути, был единственно возможным способом судебного доказательства. С этим соглашается и советский исследователь обычного права А.М. Ладыженский: «Главным среди этих доказательств были обвинительные и очистительные присяги. Современному читателю может быть непонятно, почему присяги являлись неопровержимыми доказательствами виновности. Но если мы примем во внимание тогдашнюю глубокую религиозность, особенно магометан, и их убеждения, что за ложную присягу они понесут жестокое наказание на том свете, то станет ясным, что, по их мнению, принесший ложную присягу тем самым уже наложил на себя строгое наказание» [7, с. 67]. Кроме того, еще одной причиной сохранения у дагестанских горцев института соприсяжничества могло служить общественное мнение, которое, по мнению известного государственного деятеля, генерал-лейтенанта М. Алиханова-Аварского, контролировало все действия своих членов [30].

В условиях отсутствия выраженного социального неравенства и специальных органов отправления правосудия каждый член общества становился не только защитником чести и неприкосновенности своего имущества, но и должен был нести ответственность за сородича или члена своей общины. По мнению Х.-М.О. Хашаева, «длительное сохранение пережиточных форм родовой организации объясняется рядом специфических особенностей, которые были присущи обществам Нагорного Дагестана, в частности существованием натурального хозяйства, отсутствием централизованной государственной власти, в связи с чем возникала необходимость для защиты личности и имущества не только сохранять узы родства, но и создавать их искусственно...» [28, с. 8].

О значимости исследуемого правового явления в жизни горцев говорит такой характерный случай: обвиненного в убийстве по обвинительной присяге выслали из се-

ления, но когда через несколько лет был выявлен настоящий убийца, то судьи отказались пересматривать свое решение, сказав, что «это было бы святотатство, оскорбление Бога. Это значило бы, что мы готовы принимать присягу на Коране, не будучи вполне уверены в справедливости нашего дела» [31]. О подобном положении в судопроизводстве горцев писал и А.В. Комаров: «Обвиненный раз в убийстве остается канлы (кровником), хотя бы и был впоследствии найден действительный убийца» [15, с. 18].

Здесь в полной мере проявляется известный еще древнеримскому праву принцип строгого формализма, наиболее ярким примером которого служит следующий случай: «один горец заявил подозрение против другого, обвиняя его в краже. Тот выставил потребное число свидетелей, и все они подтвердили его невиновность. Но противная сторона припомнила, что у заподозренного имеется родной брат, который, по адату, должен был попасть в число тусево⁵, но в суд представлен не был. Напрасно заподозренный убеждал судей, что этот брат давным-давно выехал из Дагестана и проживает в Калуге, почему не может знать не только настоящего дела, но даже и его самого, обвиняемого в совершении кражи. По адату, в число тусево должны войти прежде всего ближайшие родственники, и заподозренный был обвинен в краже...» [32, с. 221].

Кроме того, были и другие негативные моменты, связанные с применением соприсяжничества, вызванные в первую очередь усиливавшейся имущественной дифференциацией и ослаблением гражданской общины в Нагорном Дагестане. В подтверждение этому можно привести пример из горской криминалистики, когда «нашли тело одного горца, зверски изрубленное в куски» и подозрение пало на конкретного человека, давно враждовавшего с убитым. При этом нашлись люди, видевшие его за несколько часов до убийства рядом с жертвою, а один даже слышал, как он приглашал убитого в то место, где потом нашли его труп. Более того, другие утверждали, что «видели на подозреваемом кровь; кинжал его тоже был окровавлен, а в ноге задела пуля, которую он вынул в своей сакле на виду у многих родственников. Когда же осмотрели убитого, то при нем нашли пистолет со следами только что произведенного выстрела, и пуля, вынутая горцем из раны, как раз приходилась к калибру пистолета». Однако, несмотря на такие достаточно серьезные основания для доказательства виновности, обвиняемый, как пишет автор, «человек богатый, выставил требуемое число тусево, очевидно, подкупленных, и все они приняли присягу в подтверждение неспособности обвиняемого совершить приписанное ему преступление» [32, с. 223].

Как справедливо отмечал А. Дирр, «обстоятельство, что клятва была альфой и омегой всего судопроизводства, вело к злоупотреблению и тем самым к упадку всего судебного устройства. Увеличилось число клятвоступников, появились свидетели клятв, которых можно было нанимать. Чтобы устранить это, адат требовал, как раз, чтобы по одному и тому же делу клятву давало как можно большее количество людей» [17, л. 13].

Таким образом, особенности правовой системы Дагестана привели к тому, что некоторые патриархальные институты общинного права не только не проявляли тенденции к исчезновению, а наоборот укреплялись. В судебном процессе дагестанских горцев, история которых складывалась в рамках различных форм гражданской общины, огромное значение приобрел институт соприсяжничества, который одновременно играл и важную роль регулятора общественных отношений. Об этом свиде-

тельствует и тот факт, что некоторые производные от института соприсяжничества (например, *маслаат*⁶) продолжают сохранять влияние и в современной правовой системе Дагестана.

Большое значение этого правового явления для горцев было обусловлено тем фактом, что сама правовая система была основана на подкрепленном присягой общественном договоре, по которому определялись права и обязанности каждого члена джамаата. По сути соприсяжники сами выполняли в определенной степени роль судей, тогда как последние зачастую лишь осуществляли надзор за порядком при судопроизводстве и исполнением судебных решений. Широкое применение института соприсяжничества в судебном процессе народов Дагестана свидетельствует об их достаточно высоком уровне правовой культуры, потому как данное правовое явление, по сути, является предшественником современного суда присяжных, который считается одной из наиболее демократичных форм судопроизводства, призванной обеспечить непосредственное участие представителей народа в отправлении правосудия.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Кари – мера длины, хабцалдику – ткань местного изготовления.

² Пени – штраф, канлы – выкуп за кровь.

³ В определенных случаях присяга от родственников не принималась, так же как присяга от лиц, находящихся во враждебных отношениях с истцом или ответчиком.

⁴ Сумма штрафа за совершенное преступление.

⁵ У многих горских народов Северного Кавказа соприсяжники назывались тусевами.

⁶ Способ разрешения конфликта с привлечением авторитетных членов общины.

ЛИТЕРАТУРА

1. Энциклопедия Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона [Электронный ресурс]. URL: <http://www.brockhaus.ru/text/093/811.htm> (дата обращения 07.05.2014).
2. Ковалевский М.М. Первобытное право. М., 1886. 168 с.
3. Салическая правда / пер. Н.П. Грацианского // Хрестоматия памятников феодального государства и права стран Европы. М.: Гос. изд. юр. лит., 1961. С. 89.
4. Законник Лека Дукагьини // Там же. С. 645.
5. Всеобщая история государства и права : в 2 т. / под ред. В.А. Томсинова. Т. 1. Древний мир и Средние века. М., 2011. С. 392.
6. Палюмбецкий А.И. О системе судебных доказательств древнего германского права сравнительно с Русской Правдой и позднейшими русскими законами, находящимися с ним в ближайшем соотношении. Харьков, 1844. С. 42.
7. Ладыженский А.М. Адаты горцев Северного Кавказа. Ростов н/Д, 2003. 205 с.
8. Беляев И.Д. О круговой поручке на Руси // Русская беседа. 1860. № 2. С. 6.
9. Государственный исторический архив Грузии (далее – ГИАГ). Ф. 1087. Д. № 272. Рукопись Комарова: Сборник адатов Шамхальства Тарковского и ханства Мехтулинского. Л. 8, 28, 168.
10. Ковалевский М.М. Закон и обычай на Кавказе. Т. 2. СПб., 1890. С. 225.
11. См. شرح مختصر خليل / 6 273 ط دار الفكر مواهب الجليل («Мавахиб ал-Джалил шарх мухтасар Халил». Т. 6. Бейрут, 1992. С. 273).
12. См. دار الفكر، بيروتشمس الدين محمد بن أبي العباس أحمد بن حمزة شهاب الدين الرملي. نهاية المحتاج إلى شرح المنهاج («Нихая ал-мухтадж ила шарх ал-Минхадж». Шамсуддин Мухаммад ар-Рамли. Т. 7. Бейрут, 1984. С. 387).

13. Гидатлинские адаты // Обычай и закон в письменных памятниках Дагестана V – начала XX в. Т. 1. М., 2009. С. 164.
14. Андаляльские адаты // Там же. С. 178.
15. *Комаров А.В.* Адаты и судопроизводство по ним // Сборник сведений о кавказских горцах (далее – ССКГ). Вып. 1. Тифлис, 1868. С. 14–18.
16. Постановления Кайтахского Уцмия Рустем-Хана... // Там же. С. 86–87.
17. *Дирр А.* Об обычном праве кавказских горцев // Рукоп. фонд ИИАЭ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 368. Л. 10–11, 13.
18. Адаты Бежитского округа // Из истории права народов Дагестана : материалы и документы / сост. *А.С. Омаров*. Махачкала, 1968. 340 с.
19. «Адаты обществ Анцух-Капуча»: сравнительный анализ и комментированный перевод. Плановая работа на 2011–2012 гг. [Рукопись]. Абдулмажидов Р.С. // Рукоп. фонд ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 1. № 878.
20. Адаты келебских селений // Памятники обычного права Дагестана XVII–XVIII вв. / сост. *Х.-М. Хашаев*. М., 1965. С. 90.
21. Адаты южнодагестанских обществ // ССКГ. Вып. VIII. Отд. I. Тифлис, 1875. С. 3–5.
22. *Шанаев Д.* Присяга по обычному праву осетин // ССКГ. Вып. 7. С. 4.
23. Перечень некоторых распоряжений высшего начальства и постановлений дагестанского народного суда, преподанных к руководству словесного суда округа // Законы вольных обществ Дагестана XVII–XIX вв. Махачкала, 2007. С. 224.
24. ГИАГ. Ф. 229. Оп. 2. Д. 1607. Об изменении в Казикумухском округе существующего адата. Л. 3.
25. Там же. Д. 2858. Об усилении наказания за кражи в Дагестанской области. Л. 2.
26. Там же. Ф. 13. Оп. 15. Д. 822. Л. 9–10.
27. *Левенстим А.А.* Присяга на суде по народным воззрениям // Вестник права. СПб., 1901. № 6. С. 6.
28. Законы вольных обществ XVII–XIX вв.: архивные материалы / сост. *Х.-М. Хашаев*. Махачкала, 2007. С. 227.
29. О последствиях убийств и поранений между горцами Восточного Кавказа // ССКГ. Вып. VIII. Отд. I. Тифлис, 1875. С. 5–6.
30. *Алиханов-Аварский М.* В горах Дагестана. Махачкала, 2005. С. 194.
31. *Лилов А.* Очерки быта кавказских горцев // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. № 14. Тифлис, 1892. С. 9.
32. *Андреев А.П.* По дебрям Дагестана // Исторический вестник. 1899. № 10. С. 221, 223.

Поступила в редакцию 08.02.2016 г.

Принята к печати 25.03.2016 г.